

Писатель или мошенник

Я смотрел на газету в своих руках и пытался осознать происходящее. Слишком нереально. Странно. Иллюзия? Дурман?

Положив газету на стол, осматриваю комнату. Зачарованный слабыми чарами расширения пространства шкаф, шикарная кровать с балдахином золотого цвета, дубовый письменный стол, пара стульев, сундук с уже более серьезным зачарованием, вешалка у входа, две двери, одна из которых приоткрыта и за ней видно умывальник с зеркалом. И колдофото. Десятки движущихся изображений смутно знакомого мужчины с волосами цвета золота и жемчужной улыбкой. И судя по ним он не страдал явной манией величия, он ей наслаждался. Направляю палочку на стул и использую одно не слишком популярное заклинание из трансфигурации, превращающую объект в произвольную неопасную форму. По сути бесполезное оно имело пару особенностей, о которых мне рассказал один польский мастер трансфигурации. Первая особенность заключается в том, что заклинание не действует на зачарованный, проклятый или живой объект, а вторая особенность заключается в том, что применяющий его волшебник должен находиться в здравом уме. Посмотрев на получившееся из стула произведение авангардизма, хмурюсь сильнее.

- Финита

Вернув стул в нормальное состояние, закрываю глаза и принохиваюсь. Запахи парфюмов, дерева, одежды и многих других вещей дошли до моего носа. Слишком детально. Значит не дурман, не иллюзия, основанная на самовнушении, так как это помещение я впервые вижу, не обычная иллюзия или ловушка-воспоминание, так как такой уровень сложности и проработки такой масштабной иллюзии, которая не конфликтует с взаимодействующими чарами, - это ближе к чудесам, а не магии. Вздохнув, смотрю на руку с аккуратно подстриженными ногтями держащую волшебную палочку. Не мою руку и не мою волшебную палочку. И если судить по магическому фону, который в последние годы в мире ничем не отличался от такого же в каком-нибудь кургане или склепе, то кто-то явно поигрался с пространством и временем. Ну и душами, моей и того бедолаги, чьё тело я занял.

Выписываю палочкой несколько узоров, накладывая вокруг кровати стационарный вариант протего и парочки других защитных чар, после чего укладываю своё тело на неё. Начинаю медленно дышать, вспоминая медитации тибетских магов, которые в плане работы с душой и её связи с телом могли дать фору многим. Только добраться до этих знаний было тем ещё геморроем. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ощущения тела отдаляются, в какой-то момент оставляя только восприятие окружающей магии, выработанное годами творения магии. Сосредотачиваюсь на себе, чувствуя покалывание. Знакомое покалывание. Такое же у меня было, когда дементор чуть не сожрал мою душу и следующие несколько дней она восстанавливала связи с телом. Благо, в этот раз все проходит куда быстрее.

В какой-то момент в сознании начали всплывать воспоминания прошлого владельца тела. Погружаюсь в них, так как самой важной вещью для меня сейчас является информация.

Спустя пять часов я со скривившимся лицом смотрю в зеркало. Из отражения с

неприятным, но при этом красивым и даже в чем-то харизматичным, лицом смотрел голубоглазый блондин. Гилдерой Локхарт – писатель, волшебник, кумир сотен ведьм и мошенник. Тот, кем я теперь стал. Сглаживаю волосы невербальным беспалочковым волшебством и поправляю воротник рубашки. И замираю. Последние два года мне было откровенно плевать на свою внешность. Окружающие упыри больше ценили мой «внутренний мир», а выжившие люди ценили силу. Поэтому, увидев своё нынешнее тело не в амплуа «люмпена аля выживальщика» я почувствовал освежающее чувство. Я был прекрасен.

Стук. Стук. Стук.

Побившись головой о стену, я с раздражением посмотрел на зеркало. Адаптация к воспоминаниям Локхарта прошла слишком хорошо. В немалой степени благодаря некоторому сходству наших характеров. Некоторому. В сознании всплывает момент, когда юный Локхарт в Хогвартсе на день Валентина отправил сам себе под восемь сотен открыток.

- О, Курва.

Я хоть и обладаю некоторым слегка самовлюбленным характером. Но этот... этот Нарцисс – это за пределами добра, зла и магии. Равных людей нет. Есть только поклонники, будущие поклонники и проблемные люди. Всё. Такая парадигма мышления у волшебника, чьё знание магии едва превышает школьный уровень, просто вымораживала. Хотя нет, здесь он не слишком справедлив. В области чар и зелий, связанных с уходом за внешностью, ему действительно не было равных. Как и в мастерском владении заклятьем забвения – обливиэйтот. Да и сам я знаю об этом волшебнике из воспоминаний до катаклизма. Один из немногих британских волшебников-писателей, чья художественная литература была распространена по миру магии. И мне его книги даже нравились. Отличное описание пейзажей и культурных особенностей стран с необычным раскрытием характеров персонажей. Единственный минус заключается в увлекательном, но далеком от реальности описании использованной магии в боях. До резонансного разоблачения в Хогвартсе, я относился к этому минусу с пониманием, так как действительно могущественные волшебники не раскрывают всему миру свою манеру боя, как и знание некоторых полулегальных заклятий. Сейчас же, освоив воспоминания и даже некоторые черты этого авантюриста, мне было... обидно. За него. Хоть он и не обладал большими магическими силами, но мог действительно стать таким же сильным как в своих книгах. Ведь в магии порой большую роль играла не сила волшебника, а его воля и личность. Самолюбие и высокомерие Локхарта доведенные до абсурда позволяли ему творить с чарами, в которых он был уверен, что он действительно лучший, порой удивительные вещи. Чары ухода за волосами и распрямления складок на одежде? Порой выполняемые на чистой силе воли кроме прямых функций они могли передать одежде временно толику природного очарования вейл или придать волосам свойства некоторых магических животных. Ещё в Хогвартсе он мог создавать и модифицировать заклинания. Благодаря характеру и какому-то звериному чутью на опасность он создал связи со многими людьми. Опыт бытия полукровкой в Хогвартсе, полной чистокровных и аристократических детишек школе, позволил ему понять свои слабые и сильные стороны. Из-за этого после выпуска он знал, как произвести на незнакомых людей хорошее впечатление. Что действительно ограничивало его потенциал – это малое терпение и, что удивительно, комплекс неполноценности. Локхарт быстро терял интерес к разделам магии, в которой не мог достичь совершенства за короткое время, из-за своего перфекционизма. Лишь из-за уверенности, что его внешность должна быть самой лучшей, он плотно занимался изучением чар и зелий,

связанных с влиянием на внешность волшебников. Что же касается заклинания забвения... На момент моего попадания в тело Локхарта, тот уже написал две книги. «Встречи с вампирами» и «Духи на дорогах». «Идеи» этих историй были позаимствованы у русского аврора или, как у русских было принято называть, мракоборца и французского мага-зоолога. И, тщательно проверив воспоминания о моменте использования британцем обливиэнта, я был впечатлен. Эти воспоминания ещё раз показали мне влияние чувств и эмоций на магию. Зависть...

Отвратительное чувство, названное у маглов-христиан одним из семи грехов. Вместе с заклинанием забвения оно создаёт необычную синергию. Само заклинание опирается на свойственные людям процессы забывания, которые нужны для лучшей работы мозга и самой памяти. Обливиэнт позволяет найти нужное воспоминание и ускорить этот процесс для него. Более искусные в нём маги могут заменить воспоминание другим, порой даже вербально говоря о том, что «на самом деле произошло». Таким вот образом вбивая ментальную установку в человека. Для маглов и слабых волшебников оно эффективно, но уже со средней планки силы некоторые более внимательные маги могут заметить странность. Высокой планки силы чародеи, обычно так или иначе занимающиеся окклюменцией, могут напрямую перебороть обливиэнт. Созданная Локхартом модификация заклинания забвения могла бы сделать его лучшим обливиэтором в любом министерстве магии. Если бы, конечно, её бы не запретили, а самого создателя не прикопали или заперли в застенках тех же невыразимцев. Ведь как не посмотри, сам обливиэнт всегда оставляет даже малейший след в разуме человека, а при грубом или частом использовании нарушает мыслительную деятельность человека. Заклинание забвения Локхарта было лишено этих недостатков. Видоизмененное и усиленное с помощью зависти, теперь оно могло игнорировать многие стандартные защитные чары, а сам процесс стирания перешёл во что-то вроде гипноза или самовнушения. «Объект» просто не верил стираемым воспоминаниям и сам по своим ассоциативным цепочкам составлял для себя «наиболее вероятное» воспоминание. По сути, маг не нарушает мыслительную деятельность «объекта», он просто ускоряет естественный процесс забывания, а о том, о чём и каким было воспоминание, «объект» додумает сам. Лишь когда объём стираемой памяти превысит некоторый процент относительно остальной памяти какой-нибудь легилимент сможет определить его использование.

Из-за этого становится ещё обиднее, что такой потенциал был загублен самим Локхартом. Не доведен до совершенства. Но его тело и личность всё ещё могут послужить мне.

Стук. Стук.

Поворачиваюсь к входной двери моего гостиничного номера. Взмахиваю рукой, приводя в порядок находящиеся в номере вещи. Находящийся на вешалке чудный симбиоз мантии и пальто светлых тонов опускается мне на плечи. Благодаря более лучшей связи между душой и телом, слабые бытовые чары более не требуют слов или взмахов палочки. Накладываю чары прозрачности на дверь. Дверь начала растворяться, открывая вид на нетерпеливо постукивающую указательным пальцем по сумочке светловолосую девушку. Зелёные глаза визитерши с раздражением осматривали коридор гостиницы и дверь, а сама она явно не подозревала о том, что её сейчас тоже рассматривают.

Накладываю на себя привычный после катаклизма комплекс защитных чар и развеиваю чары прозрачности. Прячу волшебную палочку в рукав и подхожу к двери. На лице возникает привычная Локхарту улыбка.

- Добрый день. Чем могу помочь такой красавице?

Стоящая за дверью девушка мило улыбнулась.

Слыша полный доброжелательности голос и смотря на солнечную улыбку своей новой жертвы, эмм, то есть респондента, Рита Скитер невольно смутилась. Впрочем, опытной журналистке это не помешало взять своё тело под контроль.

- Прошу прощения за беспокойство. Меня зовут Рита Скитер, и я являюсь журналисткой «Ежедневного Пророка». Мне бы хотелось взять у вас интервью насчёт вашей последней написанной книги «Духи на дорогах».

Милым радостным голосом говорила девушка, делая незаметный шаг в номер. Зелёные глаза быстро осматривают видимую за стоящим молодым человеком часть комнаты.

- Так вы заинтересованы в моей последней книге? Это так чудесно. Не волнуйтесь, я готов предоставить вам своё интервью. Давайте спустимся вниз и зайдём в одно знакомое мне кафе, где подают превосходный для неторопливой беседы чай.

И так яркая улыбка стала ещё ярче.

- Не стоит утруждаться. Мы вполне можем поговорить и в вашем номере.

Попыталась сделать ещё один шаг в комнату журналистка, но мужской силуэт преградил ей путь.

- Как настоящий джентльмен я должен позаботиться о леди, что решила составить мне компанию. Да и незамужней девушке не стоит быть в комнате, где обычно мужчина спит.

Рите ничего не оставалось как кивнуть и скрыть раздражение за чуть сузившимися глазами. При разговоре в общественном месте часть «подробностей беседы», которые могла бы «упомануть» в своей будущей статье журналистка, автоматически отпадает. Когда же набирающий популярность писатель вышел из номера и закрыл его небрежным заклятием без слов и жестов палочкой, девушка полностью сосредоточилась.

«А он не прост.»

Следуя за уверенно шагающим мужчиной, она кокетливо стрельнула глазами.

- А вы каждую девушку, с которой только познакомились, приглашаете сразу в кафе? Неужели денег получаемых с продажи книг хватает на каждую знакомую?

Гилдерой Локхарт одарил её улыбкой.

- А вы стремитесь попасть в комнату каждого мужчины, что даёт вам интервью?

Журналистка рассмеялась звонким смехом, который так нравится уверенным в своём «неподражаемом юморе» мужчинам.

- А вы шутник, мистер Локхарт. Но не забывайте, что здесь задавать вопросы моя работа. Да и вы согласились дать мне интервью.

- Я соглашался на интервью на счёт моей второй книги. Всё остальное – это наша приятная беседа.

Покачал головой улыбающийся блондин. В это время они наконец подошли к кафе «Чай Паурэльё». Усевшись за один из столиков на улице, парочка дождалась официанта. Посмотрев на зависший рядом блокнот с прытко пишущим пером, девушка заказала свой любимый сорт чая и самый дорогой здесь десерт. На это мужчина лишь насмешливо улыбнулся.

- Итак, из-за чего вы решили посетить Францию, в следствии чего вы участвовали в событиях, описываемых вами в своей книге?

- О, это весьма занимательная история. В то время я решил посетить эту богатую на истории страну ради встречи с несколькими известными зельеварами. Эта область магического искусства привлекала меня ещё с первых курсов Хогвартса...

Следующие полчаса парочка провела за «милым» разговором. Оседлавшая «волну», Рита Скитер улыбалась, пока под тихий скрип парящего пера в блокнот записывались «новые» подробности.

- Спасибо за интервью и приятную беседу. Думаю, моя будущая статья привлечёт много внимания к вам и вашей книге.

Деловито улыбнулась светловолосая журналистка, хитро блеснув зелеными глазами и вставая с места. Вставший Локхарт отзеркалил улыбку.

- Буду надеяться на хорошую оценку моего произведения.

Идущая по каменной брусчатке, девушка взяла в руки блокнот. Большинство идей для статьи обычно ей приходят в голову вовремя или сразу после интервью. И сейчас она хотела проверить написанное прытко пишущим пером, дабы не упустить не одну мелочь. Быстро листая страницы, она внезапно замерла на последней. Красивым не её почерком там были написаны слова:

«Некоторые экзотические насекомые обладают своей уникальной красотой, что порой вдохновляет меня. Но это не мешает мне в случае раздражающего стрекота раздавить их.

Ваш добрый друг,

Гилдерой Локхарт.»

Резко схватившись за кулон, что должен был обеспечивать защиту от легилименции, девушка с побледневшим лицом смотрела на блокнот.

Смотря на уходящую журналистку холодными глазами, я тихо выругался на чешском.

- Стерва.

Разворачиваюсь и иду к своей гостинице. Сейчас мне нужно правильно настроить свою ментальную защиту с учётом новых обстоятельств вроде нового тела, воспоминаний, частичного изменения характера в следствии настройки связей тела и души, ну и прочих мелочей. А позже обдумать план дальнейших действий. Мне сейчас больше всего не хватает информации.

Если... если и правда я отправился в прошлое, то я этого времени должен быть в Германии, проводить ритуалы очищения для мест, где раньше были концентрические лагеря Гриндевальда и его магловской пешки. А значит... значит, моя жена... жива.

- Мария

Гилдерой Локхарт

Рита Скитер

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/73639/2033775>